

А. А. Шайкин

Олег и Игорь в Новгородской первой летописи и «Повести временных лет»

В «Повести временных лет» (ПВЛ) биографии Олега и Игоря начинаются с одного момента, смерти Рюрика; увязаны их судьбы и в Новгородской первой летописи (Н1Л), но взаимоотношения между этими тремя персонажами, их статусные и возрастные характеристики источники трактуют неодинаково. ПВЛ определенно говорит об их родственных отношениях, высоко по рождению статусе Олега и о малолетстве в этот момент Игоря: «Въ лѣто 6387/879. Умершю Рюрикови предасть княженъе свое Олгови, от рода ему суща, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ, Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми» (ПВЛ. С. 19).¹ Существуют предположения, что Олег мог быть братом или родственником жены Рюрика,² тем самым объясняется естественность его регентства. Но Н1Л, сохранившая, по преобладающему мнению текстологов, свод предшествующий ПВЛ,³ считает Игоря взрослым человеком, он — реально выполняющий свои функции князь, Олег же именуется воеводой: «И роди сынъ, и нарече имя ему Игорьъ. И възрастьшю же ему, Игорю, и бысть храборъ и мудръ. И бысть у него воевода, именемъ Олегъ, муж мудръ и храборъ»⁴ (Н1Л. С. 107). О родстве Олега и Рюрика в Н1Л сведений нет.⁵ Отметим также, что Н1Л сообщает о рождении Игоря, ПВЛ же специально о рождении не упоминает: просто в момент смерти Рюрика малолетний Игорь уже есть.

¹ Здесь и далее текст ПВЛ цитируется по: *Повесть временных лет*. Ч. 1: Текст и перевод / Подгот. текста Д. С. Лихачева, Б. А. Романова; Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. При ссылках на Ч. 2 указываем: ПВЛ. Ч. 2. Страницы указываются в тексте в скобках, курсив в цитатах мой.

² *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 127.

³ См.: *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод: (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 3—26. К аксиомам относит этот шахматовский вывод один из последних исследователей: *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. № 6 (16). С. 40. Однако относительно точности передачи текста так называемого «Начального свода» в Н1Л существует много обоснованных оговорок.

⁴ Здесь и далее текст Н1Л цит. по: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов* / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. Страницы указываются в тексте в скобках, курсив в цитатах мой.

⁵ М. Б. Свердлов считает, что Н1Л подразумевает их родство, сообщение о родстве присутствует здесь имплицитно (*Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 126—127), но прямо из текста Н1Л этого вывести нельзя.

В НІЛ в сущности нет хронологических указаний прибытия Рюрика и времени его правления — историю Рюрика НІЛ формально размещает в статье 6362 (854) г., излагающей события от Кия вплоть до рождения Святослава. В ПВЛ Рюрик начинает княжить в 862 г., а умирает в 879 г., время его княжения — 17 лет. Если соединить хронологию ПВЛ с сообщением НІЛ о рождении Игоря через два года по прибытии Рюрика в Новгород, то получится, что Игорю в момент смерти отца исполнилось 15 лет, а к началу похода по Днепру — 17 лет: возраст, пригодный для самостоятельных действий князя.⁶ Из вышеприведенного текста НІЛ можно заключить, что Игорь «возрастал» и получил Олега в воеводы при живом еще Рюрике (о смерти Рюрика НІЛ вообще не упоминает). Игорь в НІЛ — сразу самостоятельный деятель, именно он «начаста воевати, и налезо-ста Днѣпр рѣку и Смолнск град» (НІЛ. С. 107), и все, что на начальном этапе ПВЛ приписывает Олегу, в НІЛ совершает Игорь. В эпизоде продвижения варягов по Днепру и захвате Киева в НІЛ (захвата Любеча в НІЛ нет) только Игорь имеет княжеский статус. Один раз о них иногда говорится, как о паре: «Игорь же и Олегъ, творящая мимоидуца...», но воины, выскакивающие из «лодий», определяются только как «Игоревы», только Игорь обращается с речью к Аскольду и Диру, обличая незаконность их княжения.

Как известно, в решении вопроса о статусе Олега немалую роль сыграла древнерусская категория двойственного числа. А. А. Шахматов обратил внимание, что в тексте ПВЛ в рассматриваемом эпизоде все глаголы употреблены в единственном числе соответственно одному реально действующему князю — Олегу, однако в одном случае используется форма двойственного числа: «придоша къ горамъ хъ киевскимъ». Обратившись к НІЛ, исследователь обнаружил, что здесь в соответствующем эпизоде форма двойственного числа является преобладающей. А. А. Шахматов предположил, что в исходном тексте действовали два князя, тем более что в самой НІЛ в иных случаях, где действуют не два князя, а князь и воевода (например, Игорь и Свенельд), употребляется глагольная форма единственного числа.⁷ Дело, однако, осложняется тем, что, как заметил В. Я. Петрухин, именно в том единственном случае, где ПВЛ дает двойственное число, НІЛ употребляет множественное — «и приидоша къ горамъ киевскимъ». Это заставило В. Я. Петрухина усомниться в надежности шахматовского построения и списать употребление двойственного числа в НІЛ на счет забвения новгородским переписчиком XIV в. архаических грамматических категорий.⁸ Собственно, указанное противоречие не укрылось и от А. А. Шахма-

⁶ 13-летний возраст был, видимо, временем «посажения на коня». Владимир Мономах начинает свои «пути и ловы» с 13 лет, проход через вятичей, которым он гордился, приходится на 15-летний возраст; кстати, 15 лет было и брату Мономаха Ростиславу, когда они с Владимиром «у Варина веже взяхом» — видимо, это первое воинское выступление Ростислава. См. также: *Ваян А.* Заметки о «Поучении» Владимира Мономаха // Проблемы современной филологии: Сб. статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 336—338.

⁷ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1. С. 204.

⁸ *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1: (Древняя Русь). М., 2000. С. 142. Заметим, однако, что именно НІЛ дает двойст-

това. Ставя вопрос о том, к кому источник свода 1448 г. относил фразу «и начаша воевати всюду» — к Рюрику и его братьям или к Олегу и Игорю — А. А. Шахматов склонялся к мысли, что речь идет об Олеге и Игоре. Далее он писал: «...вижу ее связь с последующим рассказом о киевском взятии; мы читаем там: „и поидоша внизъ по Днѣпру и приидоша къ горамъ Киевскимъ“, — не „поидоста“, „придоста“, как естественно было бы ожидать ввиду предшествующего: „И начаста (Игорь и Олег) воевати, и налѣзоста Днѣпр рѣку и Смолнескъ градъ“».⁹ Прибавим еще несколько замечаний. Во-первых, в пределах цитированной фразы в НІЛ летописец тут же возвращается к двойственному числу: «и узрѣста городъ Киевъ»; во-вторых, во всем этом эпизоде на шесть глаголов двойственного числа («начаста», «налѣзоста», «узрѣста», «потаистася», «излѣзоста», «сѣзваста») приходится только три множественного («поидоша», «приидоша», «испыташа»); в-третьих, глаголы множественного числа сосредоточены в пределах одной фразы: «И оттолѣ поидоша внизъ по Днѣпру, и приидоша къ горамъ киевским, и узрѣста городъ Киевъ, и испыташа, кто в немъ княжить...», тогда как глаголы двойственного числа рассредоточены по всему эпизоду. Наконец, надо отметить, что форма «придоста» удержана и в Лаврентьевском, и в Ипатьевском списках ПВЛ. Грамматика работает на позицию А. А. Шахматова, но в выводах из этих грамматических наблюдений мы пока расходимся с А. А. Шахматовым. Ученый полагал, что в Древнейшем своде речь шла об одном князе, а именно об Олеге,¹⁰ двойственное же число появилось в Начальном своде (НС).¹¹ Нам же представляется, что в исходном тексте (Древнейшем своде) князей было двое, а последующие летописцы, исходявшие из идеи «единовластия», стремились либо оставить одного князя (в НС), или развести их во времени (в ПВЛ). Непоследовательность в категории числа осталась грамматической уликой редакции предшествующего источника и в НС, и в ПВЛ. Добавим, что для архаических представлений, зафиксированных в летописании, идея множественности носителей высшей власти была вполне органичной: Кий, Щек и Хорив; Радим и Вятко; Рюрик, Синеус и Трувор. В последнем случае мы видим сознательную редукцию множественности: братья Рюрика немедленно умирают,

венное число; если бы ее переписчик путался в этой категории, мы вправе были бы ожидать перехода на единственное и множественное: так, например, СІЛ в этой фразе использует единственное число — «прииде» (хотя категории двойственного ей известна: «Аскольдъ же и Дирь приидоста к нимъ») (ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 17); Никонская же летопись во всех случаях обходится без двойственного числа.

⁹ Шахматов А. А. Разыскания... С. 220 (курсив мой. — А. Ш.).

¹⁰ Хотя в более ранней работе — «О начальном Киевском летописном своде» (1897) — Шахматов считал, что имя Олега могло заменять имя Игоря, т. е. в исходном тексте был Игорь. См.: Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2. С. 63—65.

¹¹ «...Признаю себя вправе предположить, что двойственное число заменило множественное уже в самом Начальном своде, когда в нем появилась комбинация Игорь — Олег». (Шахматов А. А. Разыскания... С. 220—221). А. А. Шахматов, кажется, противоречит сам себе: он утверждает, что именно НС низвел Олега в воеводы, далее приводит примеры, что в тех случаях, где речь идет о совместных действиях князя и воеводы, употребляются формы единственного (см. выше) и множественного (деяния князя — коллективны), но не двойственного, и в то же время утверждает, что двойственное число при описании Игоря и его воеводы Олега появилось в НС.

не совершив никаких деяний, т. е. идея моноцентризма власти преодолевает идею полицентризма в легенде, включенной в летописание на позднем этапе.

Эпизод захвата Киева обе летописи передают сходно. В числе отличий можно отметить то, что Н1Л называет Аскольда и Дира братьями, тогда как ПВЛ вопроса их родства не касается; в Н1Л отсутствует мотив оставления «назади» части судов; ПВЛ старательно упоминает о «детскости» Игоря: «нося Игоря дѣтска».

Н1Л, конечно, не идентична НС, в ней имеют место поздние поновления текста. Например, в Н1Л говорится о том, что Игорь и Олег с малой дружиной, выйдя на берег, притворялись «подугорскими гостями» — это какая-то бессмыслица, что-то вроде «подвенгерских купцов»; ПВЛ же говорит о том, что Олег «приплу подь Угорское» и оттуда начал переговоры с Аскольдом и Диром. Действительно, новгородским переписчикам XIII—XV вв.¹² уже не была ясна топонимика Киева IX в.,¹³ и они по-своему «проясняли» текст, превращая темное для них словосочетание «под Угорское» в «подугорских гостей» (не исключено, что здесь «подугорских» надо понимать как «под-югорских»: Югра, с которой новгородцы торговали, располагалась на северо-востоке от Новгорода¹⁴). О редактуре свидетельствует и тавтология в этой фразе: «творящая мимоидуша» и «творящая подугорскими гостями» (Н1Л. С. 107).

В то же время во многих случаях текст Н1Л лаконичнее, что косвенно свидетельствует о его близости к первоначальному источнику. В сцене обмана Аскольда и Дира Н1Л кратко уведомляет: «и съзваста Асколда и Дира»; в ПВЛ же люди Олега говорят киевлянам: «Гость есмь, и идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придѣта к намъ к родомъ своимъ», т. е. налицо стремление разъяснить, как именно удалось обмануть киевских правителей и выманить их из города. Мотивация событий обычно свидетельствует о более поздней литературной обработке.¹⁵

Обличение Аскольда и Дира в виде «речи князя» в Н1Л принадлежит самому Игорю: «вы нѣста князя, ни роду княжа, нѣ азъ есмь князь, мнѣ до-

¹² См.: Гимон Т. В. Приписки на дополнительных листах в Синодальном списке Новгородской I летописи // Норна у источника судьбы: Сб. статей в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001. С. 53—60.

¹³ Может вызвать сомнение одно обстоятельство: киевская гора, вероятно, стала называться Угорской, после того как около нее прошли угры в 898 г., а Олег с Игорем плывут по Днепру в 882 г. (ПВЛ; в Н1Л датировка по существу отсутствует: формально статья 854 г.). Однако стилистически эта «неувязка» снята: сообщая о захоронении Аскольда и Дира на «горе», летописец оговаривается: «еже ся ныне зоветь Угорское» (ПВЛ. С. 20). Поэтому допущение, что и предание об убийстве Аскольда и Дира сложилось позже прохождения угров (см.: Минакова Э. А. Князь Игорь Старый и «Игорсва Русь» (первая половина X в.). Орел, 2004. С. 308) теряет важный аргумент: гора не тогда, говорит летописец, а позже стала называться Угорской. По мнению В. Я. Петрухина, Угорское в древности «могло иметь функции экстерриториальной резиденции князя» (Петрухин В. Я. Древняя Русь. С. 144).

¹⁴ См. также: Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей: IX—начало XI в. М., 2001. С. 117.

¹⁵ См., например, усиление мотивации этого же эпизода в Никоновской: «...и нынѣ въ болѣзни есмь, и имамъ много великаго и драгого бисера и всякого узорочіа; еще имамъ и усты ко устомъ рѣчи глаголати ваша же къ вамъ...» и т. д. (ПСРЛ. М., 2000. Т. 9. С. 15).

стоять княжити» (Н1Л. С. 107). Соответственно, Игоря не выносят на руках. Автор ПВЛ отредактировал «речь князя» с учетом статуса Олега как члена княжеского рода и с учетом возраста Игоря: «„Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа“, и вынесоша Игоря: „А се есть сынъ Рюриковъ”» (ПВЛ. С. 20). На наш взгляд, текст Н1Л в этом случае убедительнее и естественнее текста ПВЛ: фраза «вы нѣста князя, ни роду княжа» требует прямого противопоставления — как в Н1Л,¹⁶ Олег, которому ПВЛ передала эти слова, вынужден давать разъяснения — «но азъ есмь роду княжа», аргумент оказался недостаточным, и потребовалось предъявлять князя — Игоря. Ситуация в ПВЛ изложена в виде более громоздкой и искусственной конструкции.

В том, что Н1Л и ПВЛ восходят в этом эпизоде к общему источнику (или очень сходным),¹⁷ убеждают следующие фразы. Н1Л: «И сѣде Игорь, княжа, в Киевѣ, и бѣша у него Варязи мужи Словени, и оттолѣ прочии прозвашася Русью» (Н1Л. С. 107). ПВЛ: «И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ ... И бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью». ПВЛ в месте отточия делает вставку, ставшую очень популярной: «и рече Олегъ: „Се буди мати градомъ русьскимъ”» (ПВЛ. С. 20). Полагаю, что вставка эта принадлежит не источнику, а создателю ПВЛ, много потрудившемуся над выстраиванием новой концепции русской истории.¹⁸ Последовательная мена Игоря на Олега в идентичных фразах осуществляется и дальше. Н1Л: «Сеи же Игорь нача города ставити, и дани устави Словеномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ, а от Новгорода 300 гривень на лѣто мира дѣля ...» (Н1Л. С. 107). ПВЛ: «Се же Олегъ нача города ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань даяти от Новгорода гривень 300 на лѣто, мира дѣля...» (ПВЛ. С. 20). Кроме мены имен, ПВЛ меняет адресат получателей дани: в НС (Н1Л) вся дань, в том числе и от Новгорода, идет в Киев князю Игорю; в ПВЛ сказано, что словене, кривичи и меря (= весь?) (т. е. те, кто призывали Рюрика) платят дань Олегу, а Новгород платит варягам. Не вполне ясно, каким варягам — «заморским» или окружению Олега? Если верно последнее, то придется признать, что Олег и варяги дифференцированы летописцем. Наконец, Н1Л и ПВЛ имеют радикально противоположные концовки этих пассажей о новгородской дани. Н1Л: «от Новгорода 300 гривень на лѣто

¹⁶ Не можем согласиться с В. Я. Петрухиным в том, что в «Новгородской летописи аргументация Игоря (в связи с убийством Аскольда и Дира. — А. III.) остается неясной, так как неясным в этой летописи было и происхождение киевских правителей» (*Петрухин В. Я. Древняя Русь*. С. 145). Действительно, неясно, откуда пришли Аскольд и Дир, поскольку Н1Л не связывает их с Рюриком: «приидоста два варяга и нарекося князема» (Н1Л. С. 106), но эта генеалогическая и социальная анонимность пришельцев и означает «незаконность» их вокняжения, что подчеркнуто и стилистически: «нарекосяся» содержит оттенок самопровозглашения. Так что аргументация Игоря в Н1Л вполне убедительна: вы — не князь, я — князь. ПВЛ считает, что вовсе независимыми деятелями Аскольд и Дир быть не могли и объявляет их «мужами» и «боярами» Рюрика.

¹⁷ Гипотезу В. М. Истрина о том, что текст Н1Л есть последовательное сокращение текста ПВЛ, не рассматриваем.

¹⁸ См.: *Шайкин А. А.* 1) Историческая концепция и композиция «Повести временных лет» // *Русская литература*. 2001. № 1. С. 3—10; 2) Поэтика начал и концовок в «Повести временных лет» // *Русская литература*. 2002. № 4. С. 13—31.

мира дѣля, еже не даютъ» (НІЛ. С. 107). ПВЛ «от Новгорода гривенъ 300 на лѣго мира дѣля, еже до смерти Ярославѣ даяше варягомъ» (ПВЛ. С. 20).¹⁹

О фольклорной архаичности источника текста НІЛ свидетельствует то, что здесь рассказ стремится к своему завершению в форме сообщения о браке героя: «И паки приведе себѣ жену от Плескова, именемъ Олгу, и бѣ мудра и смыслена, от нея же родися сынъ Святославъ» (НІЛ. С. 107). ПВЛ сообщает об этом в отдельной годовой статье: «В лѣто 6411/903. Игоревѣ же възрѣстьшю, и хожаше по Олзѣ и слушаша его, и приведоша ему жену от Пскова, именемъ Олгу» (ПВЛ. С. 23). Для автора ПВЛ важны акценты постепенного взросления Игоря, его послушания Олегу, женитьба здесь — тоже акт послушания. В НІЛ Игорь самодеятелен, он сам «приведе» себе жену, в ПВЛ — безличное «приведоша», исходящее от воли правящего князя Олега. НІЛ интересуется личностью Ольги: «бѣ мудра и смыслена», ПВЛ в этом эпизоде личностью Ольги не интересуется. НІЛ сразу же сообщает о семейном итоге этого брака — рождении Святослава, ПВЛ об этом не упоминает.

Между первой датой НІЛ, 6362 (854), и второй, 6428 (920),²⁰ — зияние в 76 лет. Автора ПВЛ не удовлетворяла хронологическая и событийная разреженность начальных страниц русской истории в НС, он стремился увидеть, как слагалась «Русская земля». ПВЛ под 883, 884, 885 гг. рассказывает о подчинении Киеву древлян, северян, радимичей и о войне с уличами и тиверцами. При этом в некоторых подробностях описания этих событий исследователи находят соответствия реалиям. Так, например, в рассказе о покорении древлян не упоминаются хазары — их и не было на правой стороне Днепра, тогда как при покорении левобережных северян и радимичей хазары упоминаются; в сообщениях о характере обложения древлян кунами (куницами²¹), а радимичей *шелягами* (арабскими монетами) опять же есть соответствие реальной ситуации: радимичи были вовлечены в сферу хазарского каганата и могли иметь в обращении деньги, а у древлян денег в виде монет еще не было.²² Соответственно своей концепции, подчинение Киеву окрестных племен и собственно создание Киевского государства ПВЛ приписывает Олегу.

¹⁹ А. А. Шахматов распутывал текстологический ребус, связанный с летописными фразами об этой дани, и пришел к выводу, что чтение «не даютъ» появилось в Новгородском своде 1167 г. (*Шахматов А. А. Разыскания...* С. 227—230, 330). Д. С. Лихачев считал, что первоначальный вид этого текста сохранила Уваровская летопись: «И дань уставѣ по всей земли: с Новгорода 300 гривен, иже и доныне даютъ» (ПВЛ. Ч. 2. С. 253—254).

²⁰ О происхождении этих дат см. в работах А. А. Шахматова, в частности: *Шахматов А. А. Хронология древнейших русских летописных сводов* // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 5—18.

²¹ Монетарные деньги слово «куна» стало обозначать позднее IX в. См.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1981. Вып. 8. С. 120—121.

²² См. об этом: *Мельникова Е. А. Устная традиция в Повести временных лет: К вопросу о типах устных преданий* // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 162. Правда, словарь Г. Дьяченко соглашается с трактовкой *шляга* / *шеляга* / *целяга* как шиллинга (*Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь.* М., 1993. С. 835), что указывает не на восточные, а на западные контакты.

Поход на греков 920 г. Н1Л и соответствия ему в ПВЛ

Поход руси на греков, описанный в Н1Л под 6428 (920) г., в основных чертах совпадает с походом в ПВЛ под 941 г.²³ Оба похода связаны с Игорем, одинаково определено количество сил руси: «...скыдеи (скѣдий) 10 тысячъ».²⁴ Текстуально идентичны при большей внятности текста Н1Л (С. 107—108) сцены расправы руси над пленниками (ПВЛ. С. 33). Однако в описании похода 920 г. в Н1Л есть и совпадения с описанием похода 907 г. в ПВЛ: 1) формульное выражение Н1Л 920 г. «елико же ратнии творять» находит соответствие в ПВЛ 907 г.: «елико же ратнии творять»; 2) начальная часть фразы, живописующая расправу с пленниками в Н1Л, «...а ихъ же имше плѣнники, овѣхъ растинаху, иныя же къ землѣ посѣкаху...», содержит текстуальные совпадения с фразой ПВЛ 907 г.: «А их же имаху плѣнники, овѣхъ посекаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху...». По общему результату поход Н1Л 920 г. имеет соответствие с походом князя Игоря ПВЛ 941 г.: русские суда сожжены греческим огнем, и в том и в другом тексте греческим флотом руководит патрикий Феофан.

Отличия между походами Н1Л 920 г. и ПВЛ 941, 944 гг. состоят в следующем.

1. В ПВЛ Игорь — непосредственный руководитель похода, в Н1Л он только его инициатор: «Посла князь Игорь на Грѣкы вои...» (С. 107). Объяснить отличие можно тем, что автор ПВЛ привлек народные предания, оставшиеся неизвестными составителю НС.

2. В ПВЛ 941 г. греков о нападении руси оповещают болгары, именно они сообщают о количестве судов руси — в Н1Л об этом не говорится. Отличие восходит к русскому переводу Жития Василия Нового,²⁵ оставшегося неизвестным составителю Н1Л.

3. В ПВЛ 941 г. есть отсутствующие в Н1Л подробности в изображении начальных операций русских войск на греческой территории: «Иже придоша, и приплуша и почаша воевати Вифиньския страны, и воеваху по Понту до Ираклия и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую поплѣнивше...» (С. 33). Отличие также восходит к Житию Василия Нового, за исключением указания на «Вифиньския страны», которые в последующем превратились в «Финические страны» (С1Л, Летописец Еллинский и Римский второй редакции) и восходят к тому месту Амартола, где описывается второй этап войны 941 г.²⁶

²³ Сходство Н1Л и ПВЛ О. В. Творогов объясняет тем, что обе летописи в этих сценах восходят к НС, который в свою очередь имел источником Хронограф по Великому изложению (ХВИ), основанный на Хронике Амартола. См.: Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 111—112. Дата 6428 (920) г. была заимствована НС из ХВИ; автор ПВЛ мог исправить ее на 6449 (941) г. по Хронике Амартола. Выборку различных датировок события по разным источникам см.: ПВЛ. Ч. 2. С. 286—287.

²⁴ Цифра заимствована из Хроники Амартола. См.: ПВЛ. Ч. 2. С. 286.

²⁵ Соответствующий текст приведен: ПВЛ. Ч. 2. С. 285.

²⁶ См.: Половой Н. Я. Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 109; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 147—148.

4. В НІЛ отпор русским происходит по инициативе цесаря Романа, по-славшего против русских *патрикия Феофана*. В ПВЛ 941 г. Роман не упоминается, но говорится о *доместике Памфире* с 40-тысячным войском, *патрикии Фоке* с македонцами, *стратилате Федоре* с фракийцами — все они «обидоша Русь около». После боя, выявившего преимущество греков, «Русь же възратишася къ дъружинѣ своей къ вечеру, на ночь влѣзоша в лодыи и отбѣгоша». Все эти отличия также восходят к Житию Василия Нового.²⁷

5. Переходя к морскому сражению, ПВЛ событийно вновь совмещается с НІЛ, однако лаконичное «пожъже» НІЛ в ПВЛ развернуто в живописную картину сожжения русских судов и изображения людей, в панике бросающихся в море: «Феофанъ же сустрѣте я въ лядехъ со огнемъ, и пушати нача трубами огонь на лодѣ руския. И бысть видѣти страшно чюдо. Русь же видящи пламянь, вмѣтахуся въ воду морьскую, хотяще убрести: и тако прочии възвратишася въсвои». Воины, вернувшиеся из похода, рассказывают о пережитом: «Тѣм же пришедшимъ въ землю свою, и повѣдаху каждо своимъ о бывшемъ и о ляднѣмъ огни: „Яко же молонья, — рече, — иже на небесѣхъ, гръци имуть у собе, и се пушающе же жагаху насъ, сего ради не одолѣхомъ имъ”» (ПВЛ. С. 33). В НІЛ таких эпизодов нет. ПВЛ здесь совмещает сведения НС (участие патрикия Феофана) с Житием Василия Нового и русским дружинным преданием, к последнему относим подробности морского сражения и домашние воспоминания воинов о событиях.²⁸

Сходными при различной хронологии являются события после походов. В НІЛ по возвращении остатков войска текущий год (920) и следующий (921) уходят на подготовку нового похода, который и осуществляется в 922 г. Аналогичным образом в ПВЛ после неудачи 941 г. 942 и 943 гг. уходят на подготовку, а в 944 г. происходит второй поход. В ПВЛ интервал между первым и вторым походом на год больше, но в тексте НІЛ есть возможность видеть также двухгодичный интервал: «Том же лѣтѣ препочиша и другое, на третѣе идоша» (НІЛ. С. 108).

Для нового похода,²⁹ по НІЛ, Игорь и Олег мобилизуют варягов, полян, словен и кривичей; в ПВЛ в походе 944 г. набор племен тот же и перечислен

²⁷ См.: ПВЛ. Ч. 2. С. 285.

²⁸ Об устном источнике свидетельствует указание «рече», устный источник мог сказаться уже в русском переводе Жития Василия Нового. Д. С. Лихачев, в частности, отмечал, что в русском переводе Жития Василия Нового «сравнительно с греческим оригиналом значительно распространены те слова, которым русские, вернувшись на родину, повествовали о своем поражении» (ПВЛ. Ч. 2. С. 286). Между прочим, в подробностях, на которые мы обратили внимание, летописный текст ближе к источнику, который летописцу не был знаком, — «Антаподосис» («Возмездие», или «Воздаяние», после 949 г.) епископа Кремонского Лиудпранда: «...расположившись посреди русского флота, они (греческие военные суда. — А. Ш.) принялись метать вокруг себя огонь. Увидав такое, русские тут же стали бросаться с кораблей в море, предпочитая утонуть в волнах, нежели сгореть в пламени. Иные, обремененные панцирями и шлемами, шли на дно, и их больше не видели, некоторые же, державшиеся на плаву, сгорали даже посреди морских волн». Цит. по: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 292. Близость текста, читающегося в ПВЛ, к описанию Лиудпранда объясняется, видимо, тем, что они оба передают впечатления очевидцев.

²⁹ Реальность второго похода со времен А. Л. Шлецера подвергается сомнению: «...ни один византиец не упоминает об этом, даже и Лиутпранд, который, однако же, в это самое

в той же последовательности, но дополнен тиверцами и наемниками печенегами. Отметим, что в любом случае этот перечень в количественном отношении сильно уступает перечню участников Олегова похода 907 г. в ПВЛ (см. ниже). Итак, между событиями 920—922 гг. в Н1Л и 941—944 гг. в ПВЛ при некоторых отличиях есть несомненная общность.

Поход 922 г. Н1Л и соответствия ему в ПВЛ

Несмотря на постоянное упоминание в событиях 920—921 гг. Игоря и Олега как некоей неразлучной пары, поход 922 г. на греков в Н1Л осуществляет один Олег. Текстуально описание этого похода очень близко к описанию похода 907 г. в ПВЛ. Поэтому остановимся на отличиях.

1. Хотя в обоих текстах походами руководит Олег, но ПВЛ, продолжая подчеркивать возрастное старшинство Олега, дополнительно сообщает: «Игоря оставив Киевъ» (С. 23).

2. Н1Л о составе войска для второго похода упомянула под 921 г., и этот перечень близок к перечню ПВЛ под 944 г. Перечень 907 г. ПВЛ намного превосходит перечень и 921 г. Н1Л, и 944 г. ПВЛ: под руководством Олега, по ПВЛ, выступили очень значительные силы: кроме наемников-варягов и «толковинов» называются 13 славянских и угрофинских племен, для которых существовало и общее наименование: «си вси звахуться от грекъ Великая скуфъ» (ПВЛ. С. 23—24).

3. Число кораблей в Н1Л не приводится; по ПВЛ — 2000.

4. Залив в Н1Л назван «Съсуд» (хотя в статье 920 г. присутствовало название «Суд»).

5. В Н1Л сразу говорится о решении Олега переместить корабли на сушу; в ПВЛ этому соответствует «И выиде Олгъ на брегъ» (о кораблях прямо не упоминается).

6. Как уже отмечалось, отдельные фрагменты описаний злодейств русских воинов в ПВЛ под 907 г. соответствуют тексту Н1Л под 920 г., т. е. текст ПВЛ комбинирует фрагменты Н1Л 920 и 922 гг. с добавлениями оригинального (или заимствованного из иных источников) текста.

7. В определении количества кораблей для выплаты дани греками в Н1Л некоторая невнятица: «И заповѣда Олегъ дань даяти на 100, 200 корабль...», тогда как в ПВЛ называется та же цифра, которая приводилась вначале, — 2000.

Далее в ПВЛ — договор с греками, в Н1Л, как известно, договоров с греками нет. Отметим только, что в ПВЛ в 907 г. договор заключается с царями Леоном и Александром; в Н1Л же под 920 г. упоминается Роман; в событиях 922 г. имя царя не упоминается.

Как установил еще А. А. Шахматов, договор с греками — явная вставка ПВЛ в текст НС. В Н1Л тотчас после фрагмента о попытке отравления Олега и о дани, выплаченной греками, следует сцена возвращения

время был в Цареграде и охотно ловил все то, что служило к уничтожению Греков» (*Шлецер А. Л. Нестор : Русские летописи на древле-славянском языке, сличенныя, переведенныя и объясненныя Августом Лудовиком Шлецером / Пер. с нем. Дмитрий Языков. СПб., 1819. Ч. 3. С. 208*).

руси, в центре которой — известный эпизод с парусами. В ПВЛ эта сцена помещена после текста договора с греками. В финальном эпизоде Н1Л продолжает подчеркивать властное старшинство Игоря: «Прииде Олегъ къ Киеву и ко Игорю» (Н1Л. С. 109), тогда как в ПВЛ он просто возвращается в Киев.

Смерть Олега

В изложении кончины Олега общим для обоих источников является лишь мотив смерти от укуса змеи, все остальное — разнится. В Н1Л Олег оказывается не в Киеве, а в Ладоге и смерть его настигает по пути «за море». Здесь нет мотивов предсказания, коня, психологических мотивов «гордыни» и «наказания за гордыню».³⁰ Нет в Н1Л изображения похорон Олега, плача людей, указания на могилу и исчисления лет княжения Олега. Н1Л, видимо, ближе передает исходный текст. Если исходить из его реконструкции А. А. Шахматовым, то НС=Н1Л дополняет первоначальный рассказ о возвращении из похода и гибели Олега эпизодом с парусами руси и словен, а в финальную фразу («Иде Ольгъ Новугороду и отътуда за море, и уклону ѿ змия въ ногу, и с того умьре») НС, или Н1Л, вставляет Ладогу.³¹ Сюжет о гибели от коня появляется лишь в ПВЛ и, вероятно, в поздней редакции.³² Высказывалось мнение, что Устюжская летопись лучше передает древний источник, чем Н1Л и ПВЛ,³³ но, как представляется, Устюжская контаминирует версии летописных сводов, восходящих к Н1Л и ПВЛ,³⁴ ибо мотивы с парусами, волхвами и конем вставлялись на разных этапах движения летописного текста. Устюжская летопись главным образом следует новгородским летописям: так, во второй поход, датируемый в Устюжской 6435/927 г., Игорь и Олег вначале вроде бы отправляются вместе, а затем Олег остается один (в Н1Л они вместе занимаются организацией похода, а возглавляет поход 922 г. один Олег), нет в Устюжской летописи договоров с греками, сохраняется Ладога как место захоронения Олега, но эпизод гибели передан в традиции, восходящей к ПВЛ. В Устюжской, впрочем, странная, почти былинная, география: на кости коня Олег наезжает, идя из Царьграда и преодолев море, но не дойдя до Киева, однако могила оказывается в Ладоге, т. е. получается, что Ладога располагается где-то между Царьгра-

³⁰ См.: Шайкин А. А. 1) Эпические герои «Повести временных лет» и способы их изображения // Русская литература. 1986. № 3. С. 94—96; 2) «Се повести времянных лет...»: От Кия до Мономаха. М., 1989. С. 31—38.

³¹ Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1, кн. 1. С. 363. Ср. наблюдения И. Чековой о том, что движение героя проходит по оси «север — юг», а умирать он возвращается туда, откуда вышел (Чекова И. Фольклорно-эпические парадигмы в повествовании за князь Олег и оснававането на Кивска Рус в староруските летописи // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Факултет по славянски филологии. Кн. 2: Литературознание. Т. 87: 1994. София, 1999/2000. С. 74—75, 82—83.

³² См.: Алешковский М. Х. Первая редакция Повести временных лет // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969. С. 20.

³³ Тихомиров М. Н. Начало русской историографии // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 54.

³⁴ См.: ПСРЛ. Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI—XVIII вв. Л., 1982. С. 19.

дом и Киевом³⁵ (ср.: «Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую, // Не доехал добрый молодец до Индии богатый, // И наехал добрый молодец на грязи на смоленские»³⁶). Есть в Устюжской летописи и указание о 33 годах княжения Олега, оно восходит к ПВЛ, но в тексте помещается на ином по сравнению с ПВЛ месте.

Связи сюжета Олеговой смерти в ПВЛ со сходными мотивами в разных национальных традициях неоднократно анализировались, но, несмотря на заявления о готовности рассмотреть сюжет русской летописи на фоне мирового фольклора,³⁷ круг сопоставляемых источников обычно сводится к нескольким, указанным в XVIII в. А. Л. Шлецером и в XIX в. М. И. Сухомлиновым. К ним относятся сюжет об Орвар Одде,³⁸ сербское предание³⁹ и еще два фольклорных материала, связанных со смертью от змеи.⁴⁰ Частично материалы М. И. Сухомлинова перепечатал И. А. Худяков.⁴¹ Все они с добавлением кельтского сказания о Роберте Шурланде и его коне Сером Дельфине используются в фундаментальной статье А. И. Лященко.⁴² В пересказе А. Л. Шлецера смерть Одду приходит не от змеи, а от ящерицы,⁴³ в которой М. Н. Виролайнен видит «драконоподобное существо», позволяющее исследовательнице выстраивать гипотезу о змееборческом мифе (остается лишь понять, как дракон уместился в конском черепе). Дракон этот, полагает М. Н. Виролайнен, мог быть заимствован сагой из русского источника, ближе исследовательницей не определяемого.⁴⁴ В Устюжской летописи Олег был «от змия уяден»,⁴⁵ глагол «уяден» легко соотнести с «драконоподобным существом», но и Устюжская летопись все же говорит о «змии», который(ая) «уязви Ольга в ногу». Исключением являются работы Илианы Чековой, где сюжеты русской летописи помещаются наряду с вышеозначенными источниками в обширный фольклорный и средневековый письменный контекст; обнаруживаемые исследова-

³⁵ О том, как неоднократно рождается и на глазах возрождается в научных и порождаемых наукой кругах старая легенда о могиле Олега возле старой Ладogi, см.: *Панченко А. А., Петров Н. И., Селин А. А.* «Дружина пирует у берега...»: На границе научного и мифологического мировоззрения // *Русский фольклор*. СПб., 1999. Т. 30. С. 82—91.

³⁶ Три поездки Ильи Муромца // *Русская народная поэзия: Эпическая поэзия*. Л., 1984. С. 31.

³⁷ См., например: *Виролайнен М. Н.* Загадки княгини Ольги: (Исторические предания об Олеге и Ольге в мифологическом контексте) // *Русское подвижничество* / Сост. Т. Б. Князевская. М., 1996. С. 68.

³⁸ Приведен: *Шлецер А. Л.* Нестор. Ч. 2. С. 766—767; *Сухомлинов М. И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // *СОРЯС*. 1908. Т. 85, № 1. С. 132—133, 271.

³⁹ Там же. С. 133, 270.

⁴⁰ *Сухомлинов М. И.* О преданиях древнерусской летописи // *СОРЯС*. 1908. Т. 85, № 1. С. 270—272.

⁴¹ *Худяков И.* Народные исторические сказки // *ЖМНП*. 1864. Ч. 121. Март. Отд. 4. С. 48—49.

⁴² *Лященко А. И.* Летописные сказания о смерти Олега Вещего // *Изв. Отд-ния русского языка и словесности АН за 1924. Л., 1925. Т. 29. С. 254—288.*

⁴³ В изложении сюжетов об Одде у А. И. Лященко — змея: *Лященко А. И.* Летописные сказания... С. 263, 266.

⁴⁴ *Виролайнен М. Н.* Загадки княгини Ольги. С. 68.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 37. С. 19.

тельницей параллели имеют главным образом типологический характер (кроме сюжета об Орвар Оуде, с которым сюжет об Олеге может иметь непосредственную связь).⁴⁶

Игорь после Олега

В ПВЛ начало княжения Игоря открывается отдельной годовой статьей: «В лѣто 6421/913. Поча княжити Игорь по Олзѣ» (ПВЛ. С. 31). В НІЛ о начале княжения сообщается в конце той же статьи 922 г., рассказавшей о походе Олега на греков и его кончине, т. е. ПВЛ время княжения Игоря начинается на 9 лет раньше НІЛ. В НІЛ, впрочем, речь может идти лишь о продолжении его княжения в новых условиях. Именно так НІЛ об этом и рассказывает: по смерти Олега «Игорь же съдѣша в Киевѣ княжа, и воюя на Древляны и Угличѣ» (НІЛ. С. 109). С аналогичных военных действий (событийно, но не хронологически) начинается самостоятельное правление Игоря и в ПВЛ: древляне по смерти Олега «затворяются», и Игорь в 914 г. идет восстанавливать над ними власть киевского князя.

НІЛ в пределах той же статьи 922 г. рассказывает о событиях, о которых сама же еще раз сообщит в далеко отстоящих годовых статьях, — это, конечно, явное свидетельство первоначальности слитного, не разбитого на годы текста. Уже здесь появляется Свенельд как главный воевода Игоря: он воюет с угличами, осуществляет трехлетнюю осаду их главного города Пересечена и добивается успеха. Свенельду Игорь отдает дань с угличей, а затем и с древлян. Уже здесь, в статье 922 г., звучит ключевая для сюжета о кончине Игоря фраза: «И рѣша дружина Игоревѣ: „се даль еси единому мужевѣ много“». Но летописец (видимо, создатель НС) как бы спохватывается, что забежал далеко вперед, и предупреждает читателя: «Посем скажемъ въ приключившихся лѣтех сих» (НІЛ. С. 109). Следует 16 пустых лет (6431 (923)—6447 (939)) и выясняется, что Пересечень был взят только в 6448 (940) г., а древлянская земля была отвоевана Свенельдом в 6450 (942) г., т. е. через 20 лет после первоначального упоминания об этом событии.

В ПВЛ, за исключением сообщения о приведении к покорности древлян в 914 г., соответствий этим событиям нет. Вместо этого читатель ПВЛ узнает о болгаро-византийском конфликте в 6423 (914) г., о первом, еще мирном, явлении печенегов, с которыми Игорь заключает мир в 915 г. Далее в ПВЛ следуют 24 года (6424 (916)—6448 (940)), в которых нет сообщений о внутренних делах Руси. Единственное исключение — краткое сообщение о том, что в 920 г. Игорь воевал с печенегами. Сообщений о внешних событиях, почерпнутых из Продолжателя Амартола, за эти 24 года только три: о воцарении Романа в 920 г., о продолжении болгаро-византийского конфликта и успехах в нем болгарского царя Симеона в 929 г. и нападении угров

⁴⁶ См.: Чекова И. 1) Фолклорно-эпически парадигми в повествованието за княз Олег на староруските летописи; 2) Типология и генезис летописных преданий о князе Олеге // Болгарская русистика: Науч.-метод. журн. Общества русистов Болгарии. 1995. № 2. С. 40—51; 3) Эпос, мифы и мифологемы в древнейшем летописании Киевской Руси // Ruthenica. Київ, 2002. Т. 2. С. 85—92.

на Царьград в 934 г. Этим событиям в свою очередь нет никакого соответствия в НІЛ.

В ПВЛ в 6449 (941) г. Игорь организует первый поход на греков, которому в общих чертах, как отмечалось выше, соответствует в НІЛ первый поход Олега и Игоря 920 г. (в НІЛ 6449 (941) г. — пустой). 6450 (942) и 6451 (943) гг. заполнены в ПВЛ болгаро-византийскими событиями, а в 6452 (944) г. Игорь, по ПВЛ, организует второй поход на греков (в НІЛ 6452 г. — пустой). Второму походу Игоря, столь поэтично описанному в ПВЛ (имеем в виду сцену совета и «речи дружины» по поводу «глубины морьстѣй»), в НІЛ соответствий нет. Поход 944 г. был удачен в том смысле, что греки предпочли от него откупиться, не вступая в вооруженную борьбу, и заключить с Русью очередной мирный договор, по ПВЛ, в 945 г.

В дате гибели Игоря, 6453 (945) г., хронология НІЛ и ПВЛ совпала. Точнее, в ПВЛ дата 6453 г. присутствует дважды: в первый раз под нею помещается договор Руси с греками, во второй — сюжет о гибели Игоря. Учитывая вставочность договоров с греками, можно предположить первоначальную связь этой даты именно с гибелью Игоря.⁴⁷ Тексты НІЛ и ПВЛ в этом сюжете очень близки, из разночтений стоит отметить лишь, что во фразе «И послуша ихъ Игорь, иде в данѣ, и насилыше имъ и мужи его» (НІЛ. С. 110) в ПВЛ после слова «данъ» вставлено «и примышляще къ первой дани» (ПВЛ. С. 39), что несколько усиливает негативность в характеристике Игоря. В отношении могилы Игоря в отличие от могилы Олега НІЛ и ПВЛ совпадают: «...и есть могила его близъ града Коростеня въ Древах и до сего дни» (НІЛ. С. 110; ПВЛ. С. 40).

Хронологические совпадения в жизнеописаниях Олега и Игоря

Давно вызывает подозрение число лет княжений первых правителей Руси — 33 (Олег: 879—912 = 33; Игорь: 913—946⁴⁸ = 33). Конечно, вспоминается число лет земной жизни Христа, кроме того, В. Я. Петрухин указал, что таков срок правления апокрифического Михаила («Откровение Мефодия Патарского»), в Священной истории столько длилось царствование Давида в Иерусалиме,⁴⁹ но это, однако, не объясняет причин использования сакральных чисел иудейской и христианской религий в применении к языческим князьям Руси. Умышленность цифры 33 была бы определеннее, если бы сроки правления Рюрика и Святослава были таковы же, но этого

⁴⁷ Не разделяю мнения, исходящего из того, что год проставлялся по датированному тексту договора, к которому затем привязывалось событие — смерть князя: в НІЛ (= НС) договоров с греками нет, но датировка уже имела; другое дело — вопрос о достоверности датировки. А. В. Назаренко, например, привел аргументы в пользу того, что Игорь погиб не ранее 946 г. См.: Назаренко А. В. «Мудръиши всѣхъ челоувѣкъ»: Крещение княгини Ольги как факт международной политики // Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII вв. М., 2001. С. 261—263, 281. Есть датировка, отодвигающая смерть Игоря к 957 г.: Минакова Э. А. Князь Игорь Старый и «Игорева Русь». С. 134—141.

⁴⁸ Если учесть коррективу А. В. Назаренко о смерти Игоря в 946 г., то 33 как общее число лет княжения Игоря содержится и в хронологической таблице.

⁴⁹ См.: Петрухин В. Я. Древняя Русь. С. 143.

нет: Рюрик правил 17 лет, Святослав — 27 или 28 лет. Впрочем, у Олега и Игоря тоже нет сакральной безупречности в цифрах: собственно киевского княжения у Олега только 31 год, у Игоря по летописным цифрам — 32 года. Поэтому можно предположить непредумышленность этих цифр, тем более что *срок жизни* (у Иисуса Христа) и *срок княжения* (у Олега и Игоря) — не одно и то же. Наконец, в летописных 33 можно увидеть фольклорные 30 лет и 3 года. Между тем выяснено, что даты смертей Олега и Игоря и в НІЛ, и в ПВЛ привязаны к датам окончания правления или смерти греческих императоров,⁵⁰ что лишает смысла дальнейшие медитации по поводу значения сроков их жизни. Однако хронологические совпадения в биографиях Олега и Игоря этим не исчерпываются. ПВЛ после 6393 (885) г. на 21 год замолкает об Олеге (если пренебречь указанием под 903 г. о том, что Игорь находился в подчинении у Олега и что ему, Игорю, привели, видимо по воле Олега, из Пскова жену — Ольгу).⁵¹ Подобная же лакуна есть и в описании княжения Игоря: под 920 г. сообщается о его войне с печенегами, а затем — 20-летний перерыв, к которому можно приплюсовать 4 пустых года перед 920 г., в сообщениях о князе. Если считать, что Олег по смерти Рюрика начал княжить с 879 г., то поход на греков он совершает через 28 лет после вокняжения (907 – 879 = 28), Игорь, по ПВЛ, также совершает свой первый поход на греков через 28 лет (941 – 913 = 28). В НІЛ Игорь начинает «княжить» тотчас по смерти Рюрика,⁵² в ПВЛ сообщалось, что в 6421 (913) г. «Поча княжити Игорь по Олзѣ», но в 944 г. ПВЛ опять говорит: «Игорь же нача княжити въ Киевѣ» (ПВЛ. С. 39). Конечно, это надо понимать не как вообще «нача», а по возвращении из греческого похода; дело, видимо, в том, что этот фрагмент входит в сходные фразовые конструкции, являющиеся началом повествований о кончинах князей: «И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣмъ странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой...», «Игорь же нача княжити въ Киевѣ, миръ имѣа ко всѣмъ странамъ. И приспѣ осень, и нача мыслити на деревляны...» (ПВЛ. С. 29, 39). Кроме этих текстуальных совпадений можно указать на сходные конструкции во фразах, завершающих переговоры и Олега, и Игоря с греками: «Послании же Олгом послѣ приидоша ко Олгови, и поведаша вся рѣчи обою царю...» (ПВЛ. С. 29), «Послании же сѣли Игоремъ придоша к Игоревѣ со слѣ гречѣскими, и повѣдаша вся рѣчи царя Рамана» (ПВЛ. С. 39). Отсюда можно предположить, что сказанное об одном из князей переносилось на другого. Думаем, что в рассказах о кончинах — с Игоря на Олега: «осень», упоминаемая в началах повествований, является оправданной в случае с Игорем — «в дань» (полюдь) ходили осенью,⁵³ в случае же с Олегом

⁵⁰ Шахматов А. А. Разыскания... С. 90; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 263.

⁵¹ Есть увлекательные исследования Н. Ламбина о том, что Олег в это время завоевывал Азовско-Причерноморские территории и создавал будущую Тмутараканскую Русь: Ламбин Н. О Тмутараканской Руси: (Отрывок из сочинения: «Опыт восстановления и объяснения Несторовой летописи») // ЖМНП. 1874. Ч. 171. С. 58—95.

⁵² Правда, в НІЛ после рассказа о гибели Олега сообщается: «Игорь же съѣдше в Киевѣ княжа» (НІЛ. С. 109), но это надо понимать как «продолжал сидеть».

⁵³ Об этом же с упоминанием описания голоюдь у Константина Багрянородного писал А. А. Шахматов. Дело осложняется тем, что фраз с «приспѣ осень» нет в НІЛ, а сообще-

«осень» необязательна — на кости коня можно смотреть в любое время, кроме зимнего.⁵⁴ Наконец, обращает на себя внимание одинаковость характеристики в Н1Л Игоря и Олега: Игорь «бысть храборъ и мудръ», Олег — «муж мудръ и храборъ». Не знаю, можно ли квалифицировать это как плохое различие персонажей — эпитеты все же переставлены: у Игоря на первом месте храбрость, а у Олега — мудрость. Это соответствует толкованиям имени Олега, хотя в исследованиях толкования не совсем тождественны: А. И. Лященко, со ссылкой на А. А. Куника, толковал Helgi как «мудрый», «вещий», считая тем самым, что прозвище Олега есть перевод его скандинавского имени;⁵⁵ в последнее время helgi, heilagr — трактуется как святой.⁵⁶ Все это при учете тождественности судеб князей, отчетливо проявляющихся в их мифологизированных кончинах,⁵⁷ свидетельствует о сознательном конструировании их жизнеописаний в ПВЛ.

Концепции НС (Н1Л) и ПВЛ в изображении Олега и Игоря

Вышеизложенное позволяет предположить, что в тексте, предшествующем не только ПВЛ, но и НС, речь шла о двух верховных правителях. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившаяся глагольная форма двойственного числа в описании действий Олега и Игоря и в Н1Л, и в единичном случае в ПВЛ. Возможно, что ранний текст терминологически не определял статусы Олега и Игоря, обходясь именами, или, что менее вероятно, использовал варяжские термины. Летописцы конца XI—начала XII в., исходя из идеи единовластия, существовавшего во время Ярослава Владимировича включительно и отчасти возобновленного Мономахом,⁵⁸ как лучшей и пропагандируемой ими формы политической организации власти, стремились устранить дуумвират.⁵⁹ Олег по возрасту, вероятно, был старше Игоря (выше мы приводили соображения о том, что Игорю на момент смерти Рюрика могло быть 15 лет), но поскольку прямым наследником Рюрика счи-

ния А. А. Шахматова о взаимоотношениях в этой связи НС—Н1Л—ПВЛ—Софийского временника и его источников не совсем убедительны (*Шахматов А. А. Разыскания...* С. 85—90).

⁵⁴ Кроме того, в ПВЛ рассказ о гибели Олега хронологически расположен после описания процедуры заключения договора с греками. Договор в летописи датирован 2 сентября 6420 (912) г. Поэтому, как подметил еще А. А. Шахматов, слова «И приспѣ осень...» первоначально не могли относиться к Олегу, так как после 2 сентября послы Олега еще какое-то время осматривали Константинополь и вернуться в Киев раньше октября никак не могли; в октябре говорить «приспѣ осень» нельзя (см.: *Шахматов А. А. Несторова летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1, кн. 2. С. 523*).

⁵⁵ *Лященко А. И. Летописные сказания...* С. 269—271.

⁵⁶ См.: *Петрухин В. Я. Древняя Русь. С. 252; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 127.*

⁵⁷ Ср.: *Чекова И. 1) Фольклорно-эпические парадигмы в повествовании о князе Олеге на старорусских летописях. С. 91—121; 2) Эпос, мифы и мифологемы в древнейшем летописании Киевской Руси. С. 87; Петрухин В. Я. Язычество славян в свете междисциплинарных исследований // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1984. М., 1985. С. 248.*

⁵⁸ См.: *Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 156—158, 162, 163, 224—226, 502—503, 567 и др.*

⁵⁹ Аскольд и Дир изображаются в летописи дуумвирами, но недаром их княжение в летописном контексте оказывается профанным.

тался Игорь, то НС низвел Олега в воеводы. Поэтому они вместе, но при формальном верховенстве Игоря совершают военную экспедицию из Новгорода к Киеву и устраняют Аскольда и Дира. В последнем эпизоде ведущая роль в НС переходит к Игорю, он сам обличает Аскольда и Дира и занимает киевский стол. В качестве киевского князя Игорь «ставит» города и устанавливает дани, т. е. создает государственную территорию и государственный аппарат, наконец, он самостоятельно находит себе жену, Ольгу, от которой рождается сын Святослав. По НС, Игорь (в 920 г.⁶⁰) организует поход на греков, который из-за поражения в морском сражении оканчивается неудачей. Олег в событиях 920 г. прямо не упоминается, хотя, видимо, именно он должен быть непосредственным руководителем похода. В статье 921 г. Н1Л его имя вновь появляется рядом с именем Игоря — они вместе готовят следующий поход на греков, которым в 922 г. руководит один Олег. Олег добивается успеха и возвращается в Киев. В изображении похода 922 г. масштаб Олега в Н1Л явно превышает воеводский статус: он — победитель греков, его пытаются отравить, в нем видят св. Димитрия, он взимает с греков дань, прибавляет щит к вратам, участвует в эпизоде с парусами. Вскоре после триумфального возвращения («несыи злато и паволоки и вино и овощ») Олег почему-то идет в Новгород и еще далее — в Ладогу. Доходили слухи, сообщает летописец, что он собрался идти «за море» (видимо, в Скандинавию⁶¹), но по дороге его «уклюну змиа в ногу», могила его есть в Ладоге. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти последние перемещения Олег в Н1Л совершает по собственной инициативе, они не связаны с волей киевского князя Игоря. Тем самым и в Н1Л (= НС) Олег не умещается в рамках статуса воеводы. Его уход из Киева проще всего объясняется (кроме мифологического объяснения возвращения к пункту отправки для предсказанной смерти) тем, что двум князьям стало тесно в одном городе: соратники в начале предприятия нередко становятся соперниками или даже врагами по достижении успеха. С нашей точки зрения, НС больше интересовался Игорем, чем Олегом: здесь есть подробности борьбы Игоря и Свенельда (вот настоящий воевода Игоря) с древлянами и угличами (уличами), трехлетняя осада Пересечена — видимо, не просто по недосмотру эти сведения отсутствуют в ПВЛ, перемещающей внимание с Игоря на Олега.

Рассказ о смерти в повествовательном сюжете — нередко знаковое событие, он подводит итог не только жизненного пути человека, но и дает оценку его личности. Смерти Олега и Игоря первоначально были осмыслены в народном предании, этим можно объяснить то негативное, что выявляется в личности Игоря в его «смертном» сюжете, вошедшем в НС, несмотря на акцентированный интерес этого свода к князю. Негативное заключается в явной непомерности дани, которую Игорь хотел получить с древлян, и в

⁶⁰ Об ошибочности и источниках датировок НС=Н1Л см.: *Шахматов А. А.* 1) Разыскания... С. 84; 2) Хронология древнейших русских летописных сводов. С. 5—18; *Кузьмин А. Г.* Хронология начальной летописи // Вестник Моск. ун-та. История. 1968. № 6. С. 40—53.

⁶¹ А. И. Лященко, склонный к отождествлению Орвар Одда и Олега, полагал, что он дошел до Норвегии, где и был похоронен (*Лященко А. И.* Летописные сказания... С. 273—274).

сравнении его с волком, который не успокоится до тех пор, пока не перережет все стадо, — мотивы, возникшие, видимо, в древлянском фольклоре и ставшие неотменяемыми.⁶²

В ПВЛ Олег — князь. Полагают, что один из авторов ПВЛ получил в руки договор Олега с греками, из которого выявлялся княжеский статус контрагента греческих императоров, Леона-Льва и Александра.⁶³ Однако это новое знание надо было совместить с уже существующей версией НС, поэтому Олег становится родственником Рюрика (не подвергая сомнению вероятность приведенной выше версии М. Б. Свердлова о характере родственных связей Олега и Рюрика, но напоминая, что Н1Л=НС ничего об их родстве не говорит), а Игорь для объяснения суверенности действий Олега объявляется ребенком. По ПВЛ, именно Олег, а не Игорь оказывается создателем Киевского государства. При этом в ПВЛ появляются новые по сравнению с НС сведения о процессе формирования государства — покорение Олегом кроме древлян еще северян и радимичей. Причем, как отмечалось выше, в этих сведениях содержатся подробности, отвечающие реальной ситуации.⁶⁴ В сюжете о захвате Киева, помимо выдвижения на первый план Олега, в ПВЛ есть существенное риторическое отличие: Олег объявляет Киев «матерью городов русских», Игорь же в Н1Л такого рода заявлений не делает.

Текстуально описания походов на греков в ПВЛ зависят от НС (выше мы очертили их непростые взаимоотношения), но в соответствии с новыми источниками — договорами с греками — ПВЛ решительно изменяет датировку походов и корректирует информацию о руководителях. Первый поход датируется не 920, а 907 г., и его руководителем становится в ПВЛ Олег.⁶⁵ Впрочем, значительного противоречия с Н1Л (НС) здесь нет: Игорь в Н1Л только инициатор похода: «Посла князь Игорь на Грѣкы вои Русь...» (Н1Л. С. 107); поскольку о непосредственном руководителе похода в Н1Л ничего не сообщается, а ранее было сказано о воеводстве Олега, то остается допустить, что именно Олег мыслится предводителем похода 920 г. Масштабность фигуры Олега в ПВЛ возрастает вследствие его контактов с греческими царями и договоров с греками, особенно текста 912 г., где Олег именуется «великим князем русским», под рукою которого оказывается множество «светлых и великих князей, и его великих бояр». Несомненно масштабнее и эпичнее фигура Олега в знаменитом сюжете о его гибели. В начале сюжета он — могучий владыка, мир с которым значим для всех стран: «И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣм странамъ, княжа в Киевѣ» (ПВЛ. С. 29). Смысл сюжета, как мы пытались показать в прежних

⁶² Анализ реалий и обрядовых элементов в связи с письменными (ПВЛ и Льва Диакона) сведениями о гибели Игоря см.: *Петрухин В. Я.* Древняя Русь. С. 151—156.

⁶³ Самым серьезным аргументом в пользу скептической позиции остается молчание об Олеге греческих источников. Еще А. Л. Шлецер в свое время приводил выписки из византийских хроник с 879 по 972 г. и не находил ни одного слова ни об Олеге, ни о договоре с русами, хотя сведений о столкновениях с арабами, булгарами, о внутренних событиях, вплоть до сообщения о смерти императора Льва от запора, достаточно (*Шлецер А. Л.* Нестор. Ч. 2. С. 755—756; см. также с. 93).

⁶⁴ *Мельникова Е. А.* Устная традиция в Повести временных лет. С. 162. См. также: *Петрухин В. Я.* Древняя Русь. С. 146.

⁶⁵ Не входим в обсуждение вопроса о реальности договора 907 г.

работах,⁶⁶ в наказании за гордыню человека, решившего, что он одолел судьбу. Для такой гордыни у Олега есть основания: ему покорялись племена, народы, страны и даже греческая империя признала его превосходство и заплатила ему дань, а теперь, как ему представляется, и сама судьба отступилась от него: «конь умерль есть, а я живъ». Вставая ногою на конский лоб, он попирает судьбу. Гордыня для летописца-христианина — смертный грех, признак богопротивного персонажа, что косвенно означено двойным упоминанием о смехе Олега — над предсказанием волхва и над конским лбом, ибо смех — это также маркирующий признак: смех — дьявольский, сатанинский. Такая гордыня должна быть наказана. Мотив «наказания за гордыню» не на поверхности, но его присутствие в глубине текста делает героический образ Олега одновременно и трагическим. По сравнению с НІЛ образ Олега в ПВЛ становится существенно иным.⁶⁷ В ПВЛ он умирает не неведомо где, а в Киеве, по нем «плакашася людие вси плачем великим» и могила его не в Ладоге, а «на горѣ, еже глаголется Щековица», могила эта хорошо известна «и до сего дни, словеть могила Ольгова». Завершая биографию Олега, летописец подсчитал: «И бысть всѣх лѣт княжения его 33» (ПВЛ. С. 30). Отсюда видно, что такой князь, как Олег, имеет право на включение в ряд имен, означающих вехи мировой истории, — имеем в виду так называемую хронологическую таблицу под 6360 (852) г. Позднее летописание сохранило традицию княжеского титулования Олега.⁶⁸

Личность Игоря в ПВЛ заметно снижена по сравнению с НІЛ. Подчеркивая его детскость, ПВЛ всюду изображает его не суверенной фигурой: его передают из рук в руки — «въдавъ ему сынъ свой на руцѣ», его носят — «нося Игоря дѣтска», «вынесоша Игоря», он постоянно под Олегом — «хожаше по Олзѣ и слушаша его» и даже жену в ПВЛ он выбирает не сам — «и приведоша ему жену от Пскова». Олег не берет его в свой поход на греков: «Игоря оставив Киевѣ» — в глагольной форме «оставив» есть оттенок принудительности и пренебрежительности,⁶⁹ снижающий возможную естественность этой акции. Соответственно всему этому, Игоря — основателя Русского государства в ПВЛ нет. Но вот, кажется, статус Игоря с 913 г. повышается, многозначительна византийская аналогия: «Поча княжити Игорь по Олзѣ. В се же время поча царьствовати Костянтинъ, сынъ Леонтовъ». Игорь сражается с древлянами и побеждает их, облагая данью, договаривается с печенегам (915), а затем воюет с ними (920).⁷⁰ Но первый его поход в

⁶⁶ См.: Шайкин А. А. 1) Эпические герои «Повести временных лет»... С. 94—96. 2) «Се повести временных лет...». С. 31—38.

⁶⁷ См. также ряд острых и пронизательных наблюдений А. С. Демина, особенно о подчеркиваемой летописцем «законности» всех действий Олега: Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII в.: От Илариона до Ломоносова. М., 2003. С. 19—23.

⁶⁸ См.: Тихомиров М. Н. Начало русской историографии. С. 51, 54. Однако необходимо отметить непоследовательность в этом отношении Устюжской летописи, согласно которой «Свиндел» становится воеводой «во Ольга место» (ПСРЛ. Т. 37. С. 19).

⁶⁹ Глагол «оставити» весьма многозначен, в перечне его значений упоминаются «покинуть», «бросить», «отказаться», «отречься», «пренебречь», «отстранить» от чего-либо и мн. др. (См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1987. Вып. 13. С. 136—138).

⁷⁰ Правда, А. С. Демин и в этих эпизодах усматривает оттенки пассивности в изображении действий Игоря: Демин А. С. О древнерусском литературном творчестве. С. 23—24.

ПВЛ (941) в целом изображен как поражение, а второй (944) был остановлен на полпути согласием греков выплатить дань. По-видимому, осудительных ноток со стороны летописца не возникает, он солидарен с прагматичным мнением дружины: «не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки», — очевидно, позорное в иных случаях возвращение из похода, «не бившись», компенсируется здесь тем, что возвращаются с добычей-данью.

В сцене гибели Игоря текст ПВЛ почти тождествен НІЛ. С древлянами в этом эпизоде обходятся не как со «своим» народом, а как с зрагами: по сути, с них стремятся собрать дань трижды. По НІЛ=НС, древляне платили дань Свенельду; дружина князя позвала Игоря «в дань», видимо, после того, как древляне отдали урочное обложение воеводе; древляне согласились дать дань и князю; на сопротивление они решились, когда с них попытались собрать дань в третий раз. Игорь дважды сравнивается с волком, в первый раз на древлянском совете: «Аще ся въвадити волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить», во второй раз древляне повторяют это вдове Игоря: «мужа твоего убихомъ, бѣше бо мужъ твой аки волкъ восхищая и грабя» (ПВЛ. С. 40; НІЛ. С. 110—111).

На первый взгляд поскольку НІЛ передает НС, то ее свидетельствам надо отдать предпочтение, однако текст ПВЛ показывает, что летописцы начала XII в. провели новые изыскания, им стали известны дополнительные сведения, как письменные, так и устные. Версия ПВЛ дает, безусловно, более масштабную картину начального периода русской истории. Известные сомнения в исторической роли Олега основываются на том, что «Слово о Законе и Благодати» и «Память и похвала Владимиру», обращаясь в прошлое, упоминают только Игоря. Однако первые русские князья интересуют авторов этих произведений не сами по себе, а как предки Владимира Святославича, «...великааго кагана нашеа земли Володимера, вѣнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава...».⁷¹ Древнерусская традиция перечисления предков только до деда сохранилась в названии «Слова о полку Игореве» — «Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова». На особую связь ребенка с дедом указывает традиция именования сыновей по деду.⁷² Поэтому нет ничего удивительного в том, что, говоря о Владимире, авторы останавливались на Игоре — ведь не упоминают же они и Рюрика, прадеда Владимира.⁷³ Олег, кроме того, несомненно, выпадал из прямого родословия

⁷¹ Слово о Законе и Благодати митрополита киевского Илариона / Подгот. текста, коммент. А. М. Молдована, пер. диакона Андрея Юрченко // БЛДР. Т. 1: XI—XII века. СПб., 1997. С. 42. Ср. в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру»: «...просвѣти благодать Божия сердце князю рускому Володимеру, сыну Святославлю, внуку Игореву...», «И Богъ поможе ему (Владимиру. — *А. Ш.*), и съде въ Киевѣ на мѣстѣ отца своего Святослава и деда своего Игоря» (Там же. С. 316 и 324).

⁷² См.: Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 89; Франчук В. Ю. Отражение языческого мировоззрения славянства в древнерусском летописании // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 168—169. Разумеется, ребенок именовался не только по деду, система была сложнее, но все же линия «внук—дед» — одна из ведущих. См.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI—начала XIII в. // Религии мира: История и современность. М., 2002. С. 36—110.

⁷³ Б. А. Рыбаков, впрочем, сомневался в родственных связях Игоря и Рюрика только потому, что Рюрик не упомянут в «Памяти и похвале», но никаких иных доказательств сво-

Рюриковичей. В любом случае молчание об Олеге двух риторических сочинений не может перечеркнуть показаний двух собственно исторических произведений — НС и ПВЛ.⁷⁴ Невычеркиваемость наших первых князей из мировой и русской истории особенно наглядна в хронологическом перечне ПВЛ: «...а отъ Олександра до рожества Христова лѣтъ 333; а от Христова рожества до Коньстянтина лѣтъ 318; от Костянтина же до Михаила сего лѣтъ 542. А от первого лѣта Михайлова до первого лѣта Олгова, рускаго князя лѣтъ 29; а от первого лѣта Олгова, понелиже съде в Киевѣ, до первого лѣта Игорева лѣтъ 31; а от первого лѣта Игорева до первого лѣта Святъславля лѣтъ 33...» (ПВЛ. С. 17).

Не исключено, что и в том и в другом источнике мы имеем дело со «словесной реальностью», передающей исторические факты не такими, какими они были в действительности, а такими, какими они могли или должны были быть.

их сомнений не привел. См.: Рыбаков Б. А. Историческая концепция Нестора, «иже написа летописецъ» // Русское подвижничество. С. 76.

⁷⁴ Есть, впрочем, одно странное обстоятельство: куда подевалось потомство Олега — языческого князя, который мог иметь не одну жену?